

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич

Истории от доктора

Отрывок из нового рассказа

(Продолжение. Начало в № 7-2024)



Шесть месяцев... Мне осталось максимум полгода? Так сказала доктор Ледок. Теперь понятно, почему она столь внимательно и озабоченно осматривала меня.

Меня трясло, ноги не попадали в колготки, руки в свитер, но мне кое-как всё же удалось одеться и выйти из смотровой через боковую дверь.

Ну, химию из-за каких-то лишних трёх месяцев я делать не дам! И какого чёрта мне нужен этот парижский профессор, если всё равно полгода.

А может доктор ошиблась, может ещё что-то можно сделать? А если всё же к профессору? Операцию надо будет делать... и химию. А покроет ли это всё медицинская страховка? Госп-ди, ну за что?! И почему именно я?! В чём я перед Тобой провинилась? Неужели я это заслужила? Мне и так не везёт ни в чём. Почему всё на меня? Гос-ди, как мне плохо!

И почему у меня нет совершенно никаких симптомов? Хотя, говорят, они появляются уже в самом конце.

Как теперь жить эти... шесть месяцев. А что делать с работой? И с новым курсом в балетной школе?

О Госп-ди, мне даже поговорить не с кем. Маме нельзя ни в коем случае, это убьёт её. Маме – потом... сообщат. Нет, надо сейчас же перестать даже думать такое! Так, с кем же ещё? Как мне не хватает сейчас мужа! Его умных глаз, рук, слов поддержки. Эх, Тристан, как же он меня подвёл. И почему именно теперь? Когда он ушёл, я думала, в этот раз всё будет точно так, как это случалось уже много раз за наши двадцать лет семейной жизни. По его собственному сценарию, разыгрываемому каждый раз с новыми актёрами. Вернее, актрисами. Он не был никогда мне верен. Как я уже потом узнала, впервые муж изменил мне через месяц после нашей свадьбы. Да и потом это происходило с обидным постоянством множество раз. Правда, он говорил, что любит только меня, что я единственная женщина в его жизни, что я его муза и вдохновение, что лучше меня ни в постели, ни собеседницы, ни друга не найти. Что ему вообще никто, кроме меня, не нужен. А все эти связи на стороне – так это всё неважно, не имеет значения, просто он без этого не может. Ему как воздух необходимо периодически кого-нибудь завоёвывать, покорять, нужна порция свежего воздуха для творчества, новые ощущения для полёта, нужны новые эмоции для вдохновения. А я любила мужа так сильно, так беззаветно, что верила ему, надеялась на правду в его словах и всё прощала. И старалась забыть. И не устраивать сцен. Быть для него не только идеальной любовницей, но и идеальной женой. Пыталась даже понять и забыть те несколько недель унизительного лечения у мадам Ледок от какой-то нудной инфекции, появившейся после его трёхмесячных гастролей с выставкой по Америке. Да, признаюсь, я тоже не всегда была ему верна. Но это произошло впервые

гораздо позже и не шло ни в какое сравнение с его изменами. При всех моих возможностях и большом числе поклонников, оказывающих мне знаки внимания, за все годы со мной такое случилось всего лишь дважды. И то оба раза в основном из-за желания отомстить. Без чувств, без особых эмоций, без физического притяжения. Просто от обиды, боли и одиночества. И удивительное дело, я всегда после этого сама испытывала чувство вины перед мужем. Каялась, корила себя, давала себе слово быть верной и преданной женой. Потому, все мои отношения на стороне быстро заканчивались уже после трёх свиданий, и всегда по моей инициативе. Я любила только Тристана все эти годы. Ещё с тех пор, как мы познакомились на его выставке во время учёбы в университете. Для меня это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Даже сейчас, несмотря на все обиды и унижения, я продолжаю его любить почти так же сильно, как в тот первый день. До встречи с Тристаном я не могла похвастаться большим количеством увлечений и романов, к тому же все они были непродолжительные и несерьёзные, без ощущения ожидаемого полёта и бабочек в животе, без духовной близости и особой интимной притягательности и заинтересованности. Не удивительно, что эти отношения длились недолго и заканчивались без сожаления, не оставляя следа. Как будто я всё время ждала именно его – моего принца, моего единственного, мою половинку, мою судьбу.

Тогда, после нашего знакомства, много лет назад, я буквально сошла с ума от нахлынувших и захвативших меня чувств и эмоций. Казалось, что Б-г придумал этот мир только для меня, для нас, так безгранично мы были счастливы. Его первая персональная выставка и моя первая большая главная роль в «Лебедином Озере». Успех, признание, надежды на совместное будущее. Даже бытовое неустройство и некоторые материальные сложности не омрачали нашего безграничного семейного счастья. Мы жили тогда в съёмной квартирке с одной комнаткой в десять метров и кухней, где отгородили место под душевую кабинку. К нам постоянно приходили какие-то его знакомые художники и скульпторы, они много пили и сильно накуривали, кто-то обязательно оставался у нас на кухне ночевать. Но мне это не мешало, я видела только его и жила только им. Зато, когда родился наш мальчик, всё изменилось. Тристан нашёл настоящую работу, мы переехали в другую квартиру в хороший район, незваных гостей стало гораздо меньше, и муж стал реже уходить из дома, всё больше уделяя внимание семье. Он был удивительным отцом в те годы. Он и сейчас очень хороший отец. Наш мальчик, я знаю, по-прежнему гордится своим папой и любит его, хоть и перестал с ним в последнее время разговаривать. Ничего, потом он всё поймёт, и они помирятся, просто сейчас сын сильно переживает из-за нашего развода, став безоговорочно на мою сторону.

Когда пару месяцев назад Тристан в очередной раз ушёл из дома, я думала, что, как это уже бывало неоднократно, пройдёт ещё какое-то время, и он вернётся, как возвращался всегда. Приползёт уставший, униженный, похудевший и брошенный, как побитая бродячая собака.

Будет валяться у меня в ногах, пытаться целовать кончики моих пальцев и просить прощения. И я приму его назад. Без упрёков, без скандалов и без чтения морали. После этого он не будет выходить из дому несколько дней подряд, оставаясь почти без еды и сна, пока не закончит писать мой очередной портрет. Лучший, чем все прежние. Сколько их набралось у меня за все эти годы? Десять, двадцать, или больше. Они везде в нашем доме: самый удачный висит в спальне над моей кроватью, ещё два портрета в его кабинете, пара в коридоре и даже некоторые лежат на антресолях. А сколько незаконченных набросков раскиданы по всей его мастерской! Начатых и заброшенных – вечных напоминаний о его изменах и моих прощениях.

В этот раз муж не вернулся домой ни через три, ни через шесть месяцев. Просто однажды он позвонил и сказал, что хочет встретиться и поговорить. Но не дома, а в «Маленьком гурмане» – нашем с ним любимом ресторанчике возле старой синагоги. Как будто боялся, что дома не выдержит оставаться со мной наедине. Или не захочет, а может не найдёт сил уйти. Я пришла на нашу последнюю встречу бледная, но гордая и обворожительная, как никогда, стараясь не подавать вида, как мне на самом деле плохо и одиноко без него. А муж, пытаюсь не встречаться со мной взглядом, говорил какие-то путанные слова о том, что в этот раз влюблён первый раз в жизни по-настоящему. Что просит развод и оставляет мне абсолютно всё, кроме своих красок и Адама. Я сухо и твёрдо ответила, что Адама, королевского пуделя – нашего общего любимца, члена семьи и удивительно умной собаки, я ему не отдам ни за что. Он как-то сразу сник, стал снова просить прощения, глядя в пол. Суежливо говорить, что девушка, которую он встретил, несмотря на юный возраст, что-то около двадцати семи, удивительно подходит ему, понимает его, как никто и никогда, она его новая муза, и что она... уже беременна. На седьмом месяце. И вдруг он как-то посмотрел на меня, потянулся всем телом навстречу, словно хотел обнять. И в глазах появилась капелька нежности и сожаления. Но наткнувшись на мой неприступный взгляд, снова потух, сник и опустил глаза. Я молча расплатилась, встала, пожелала удачи в новой семье и грустно улыбнувшись ему на прощание, вышла. А через неделю пришло письмо от его адвоката с документами на развод. Тристан благородно сдержал своё слово, оставляя мне кроме своих красок всё, в том числе дом и все свои картины без исключения.

Глава 2

– Здравствуйте, мадам Лапинье, давно я Вас не видела. И моя Ева соскучилась по Вашему Адаму. Надеюсь, у Вас всё хорошо, Вы здоровы? – мадам Воизон, хозяйка симпатичной гаванки – давней подружки моего пса, очень обрадовалась нашей встрече и остановилась с явным желанием поболтать.

– Нет-нет всё хорошо, спасибо, извините, мне надо идти, – я поторопилась сухо раскланяться, чуть ли не

силком потащив за собой упирающегося Адама, которому тоже хотелось пообщаться.

Я уже неделю практически не выходила из дому, взяв на работе отпуск за свой счёт. Задернула плотно шторы и отгородилась от всего мира вне моих стен. Не хотелось никого видеть, ничего никому объяснять, ни с кем разговаривать. Жизнь снаружи будто остановилась, замерла на время, прислушиваясь к тихому шороху дней, беззвучно мелькающих за окном.

В голове не осталось ни мыслей, ни чувств, кроме повторяющихся слов врача об оставшихся шести месяцах. Я находилась в состоянии странного выжидательного оцепенения, не имея сил для принятия разумных решений. Да и вообще каких-либо решений.

Конечно, признаюсь, я думала об этом. Если честно, вначале я только об этом думала, и ни о чём другом. Да-да, я размышляла, как мне покончить с собой. Я хотела таким способом радикально сократить эти шесть месяцев. Чтобы без боли, без операции, без химиотерапии. В голову лезли какие-то страшные сценарии из фильмов или прочитанное из книг. Всё затуманенное и нереальное. Я не была трусихой, но представить, что надо будет делать всё самой, своими руками, приводили меня в панический ужас, вызывая страх уже только от самих мыслей о самоубийстве. Эти размышления лишали воли, способности здраво мыслить. Я совершенно перестала спать, теряя силы и остатки разума. Но в один день всё странным и необъяснимым образом преобразилось: в субботу, уснув, как всегда уже под утро, я проснулась от яркого солнечного света, с удивлением отметив, что на часах почти полдень, а привычной усталости и разбитости во всём теле нет. Проснулась с ощущением, что во мне что-то незримо изменилось, произошли какие-то перемены и я снова начинаю приходить в себя, нащупывая, словно в предрассветной мгле, тропинку к выходу из тупика.

Я приняла душ, сварила кофе, выгуляла собаку, впервые за последние дни с удовольствием позавтракала, затем села за стол, взяла ручку, чистый лист бумаги, расчертила его на три части, приготовилась писать и... задумалась.

В первой части я решила написать то, что я не стану делать ни за что, ни при каких обстоятельствах. Уже когда сегодня проснулась, то я заранее знала, какой будет первая строка. Я не дам делать операцию! И никаких искусственных выходов кишечника наружу. И никакой химии! Это точно! Значит, надо позвонить доктору и отменить термин на следующей неделе.

И ещё: я больше никогда не вернусь к Тристану. Да, мне его всё ещё не хватает, сейчас даже сильнее, чем когда-либо, но я больше не стану унижаться очередным прощением. И он не получит Адама. Ни за что!

Так, что ещё... Да, забыла, с сегодняшнего дня больше никаких диет, хватит, буду есть всё, что захочу. Обязательно надо составить отдельный список, чего бы вкусенького купить. Возможно, я ещё вернусь к первой части, но теперь пришло время подумать, что необходимо сделать в любом случае, заполняя вторую часть моего листа. Главное, надо привести все финансовые дела в порядок и обратиться к месье Конфин – к его услугам прибегали ещё мои родители. Нотариусу было, наверно,

сто лет, но его старомодная обязательность и обращение истинного джентльмена вызывали абсолютное доверие. По разводу я получила почти половину суммы из нашего семейного счёта в банке, а это оказалось немало. Надо подумать, как их правильно распределить между всеми, и чтобы хватило на эти шесть месяцев для меня.

Самая серьёзная проблема – что делать с домом. Мне будет невероятно трудно с ним расставаться. Как долго мы его тогда вместе с мужем выбирали, с какой любовью подыскивали мебель, обставляли, вносили свои акценты. Только из-за цвета краски для стен спорили несколько недель. И всё это теперь...

Филсу никогда не нравился Авиньон. Ещё тогда, ребёнком, когда мы только въехали в наш дом, он сразу с детской безапелляционностью заявил, топнув ножкой, что никогда не станет тут жить. «Здесь скучно», – сказал он. И если дом достанется когда-нибудь ему, то он его сразу продаст. С тех пор мало что изменилось. Повзрослевший сын всегда стремился учиться в столице. Зато жить и работать мечтал в Лондоне, ведь он планировал специализироваться именно на английском языке. А после своей практики в США в десятом классе, так вообще не исключал переезда за океан. Сына можно понять, он хочет посмотреть мир, максимально реализовать себя, вдохнуть жизнь полной грудью. И Авиньон, далёкий от столичных возможностей, никогда не был городом его мечты. Значит дом придётся всё-таки продавать. Грустно-то как... Зато Филс получит хорошее наследство, деньги за дом – его по праву.

И ещё возникает одна труднорешаемая проблема: что делать с картинами мужа. Их осталось немало и в мастерской, и по всему дому. Конечно, самые известные и успешные из них выставлены в галереях по всему городу и даже несколько в столице. Они не относятся к договорённости по разводу и принадлежат мужу. А те, что в доме, а их осталось великое множество – что делать с ними? Хотя, похоже один выход есть, пусть и не самый приятный. Придётся отправиться на поклон к месье Горсен. Смирить свою гордость и идти. Забыть, как Тристан выставил его пару лет назад, когда тот собирался купить большинство его работ для своей галереи. «У него нет вкуса, он совершенно не разбирается в живописи! Я лучше пойду продавать их на улице или раздам бесплатно, чем ему!» – Тристан тогда его чуть с лестницы не спустил. Но мы люди не гордые, мы продадим. Да и деньги он тогда предлагал немалые. И потом, они по разводу всё-равно принадлежат мне, так что мне и решать. Да у меня просто элементарно нет времени заниматься картинами. Совсем. Главное, чтобы быстро и всё сразу. Оставляю себе самый лучший портрет из спальни, остальные продам. И возможно, я тоже поступлю порядочно и верну какую-то часть вырученного от продажи бывшему супругу. Посмотрим. Значит, с картинами решено.

Теперь надо подумать, как быть с Адамом. Этот пёс давно стал неотъемлемой частью моей жизни.

Большой, огромной частью. Нет, он скорее стал членом семьи. Да, именно так. Адам провожал меня с грустными глазами каждый день на работу, встречал с собачьим восторгом по вечерам, облизывая с ног до головы, ел только из моих рук и засыпал исключительно рядом с моей спиной, прижавшись боком. Иногда мне казалось, что Тристан даже слегка ревнует пса ко мне. Моё сердце разрывалось от мыслей, что собаку придётся отдавать в чужие руки. Но по правде сказать, я уже давно всё решила. Мадам Воизон всегда была нашей палочкой-выручалочкой, когда нужно было собаку где-то на время оставить. Она с удовольствием брала Адама к себе. К сожалению, у пожилой женщины нет собственных детей и всю свою нерастрченную потребность о ком-то заботиться и кого-то опекать она перенесла на четвероногих питомцев. И это у них с собаками абсолютно взаимная любовь. Лучше, чем Мадам Воизон, женщины доброй и порядочной, вариантов и быть не могло. Я уверена, она мне не откажет. Обязательно надо зайти к ней завтра же вечером. Купить что-нибудь вкусненькое для неё и собаки и напроситься в гости.

Теперь балетный курс. Надо решить, кому доверить моих учеников. Может передать их Владимиру? Мне кажется, он самый талантливый преподаватель в нашей школе. Владимир – русский, но живёт уже больше двадцати лет во Франции, и язык у него, если не придирается, почти без акцента. Когда-то он был достаточно известен в России, танцевал во многих знаменитых театрах, но, выйдя на пенсию, остался не у дел, без семьи и почти без средств к существованию. Его нашёл наш директор, кажется, в Волгограде, на каком-то фестивале в составе жюри и пригласил поработать на пробу с молодыми танцорами в театре. А затем, когда он себя проявил и хорошо зарекомендовал, доверил и студентов в балетной школе. Он хороший мастер, на него можно оставить моих детей. Кстати, в понедельник надо написать в театре заявление на отпуск за свой счёт на три месяца. Поговорю с директором, он поймёт. Он хоть и тяготеет к диктатуре в руководстве, но ко мне относится неплохо, и, по большому счёту, мужик неплохой. Надеюсь, он не откажет. Так, что ещё?

Самое главное я забыла! Поговорить с Филиппом. Бедный мой мальчик. Правда, он уже парень взрослый, почти мужчина, должен понять. И помочь. Особенно с моей мамой. Это самое трудное, как ей всё рассказать. Пожалуй, я отложу пока разговор с мамочкой на позже, сейчас я ещё совершенно не готова.

На третью часть листа сил уже совсем не осталось. Наверное, перенесу эту самую сложную часть на завтра. Высплюсь и подумаю, какие пункты внести из того, что мне хотелось бы ещё успеть в этой жизни. Не то, что я должна, а что мне хочется самой. Пережить, испытать, увидеть, попробовать. То, что позволено только тогда, когда осталось всего шесть месяцев, а вернее уже пять месяцев и три недели. Такой своеобразный завтрак приговоренного висельника перед казнью.

Так, всё, это на завтра. А теперь спать, сил совсем не осталось, а они мне ещё понадобятся.

Ваш доктор Шавич